

Отец Браун

Гилберт Честертон
Профиль Цезаря

«ЭКСМО»

1914

Честертон Г. К.

Профиль Цезаря / Г. К. Честертон — «Эксмо», 1914 — (Отец Браун)

ISBN 978-5-457-43812-5

«Где-то в Бромптоне или в Кенсингтоне есть нескончаемо длинная улица с высокими и богатыми, но большей частью пустующими домами, похожая на аллею гробниц. Даже ступени, ведущие к темным парадным, кажутся такими же крутыми, как ступени пирамид; поневоле задумаешься, стоит ли стучать в дверь, если ее откроет мумия. Но еще более гнетущее впечатление производит телескопическая протяженность серых фасадов и их неизменная последовательность. Страннику, идущему по улице, начинает казаться, что он никогда не дойдет до перекрестка или хотя бы до разрыва в этой стройной цепи. Впрочем, есть одно исключение – совсем небольшое, но усталый путник готов приветствовать его едва ли не криком восторга. Это нечто вроде извозничьего двора между высокими особняками, всего лишь дверная щель по сравнению с улицей. По господской милости здесь приютилась крошечная пивная или таверна для конюхов и кучеров. В самой его обшарпанности и незначительности есть что-то жизнерадостное, свободное и задорное. У подножия этих серых гигантов он похож на гномье жилище с приветливо освещенными окнами...»

ISBN 978-5-457-43812-5

© Честертон Г. К., 1914

© Эксмо, 1914

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Гилберт Кийт Честертон

Профиль Цезаря

Где-то в Бромптоне или в Кенсингтоне есть нескончаемо длинная улица с высокими и богатыми, но большей частью пустующими домами, похожая на аллею гробниц. Даже ступени, ведущие к темным парадным, кажутся такими же крутыми, как ступени пирамид; поневоле задумаешься, стоит ли стучать в дверь, если ее откроет мумия. Но еще более гнетущее впечатление производит телескопическая протяженность серых фасадов и их неизменная последовательность. Страннику, идущему по улице, начинает казаться, что он никогда не дойдет до перекрестка или хотя бы до разрыва в этой стройной цепи. Впрочем, есть одно исключение – совсем небольшое, но усталый путник готов приветствовать его едва ли не криком восторга. Это нечто вроде извозчичьего двора между высокими особняками, всего лишь дверная щель по сравнению с улицей. По господской милости здесь приютилась крошечная пивная или таверна для конюхов и кучеров. В самой его обшарпанности и незначительности есть что-то жизнерадостное, свободное и задорное. У подножия этих серых гигантов он похож на гномье жилище с приветливо освещенными окнами.

Случайный прохожий, оказавшийся на улице возле таверны в один почти сказочно ясный осенний вечер, мог бы увидеть руку, отодвинувшую в сторону красную гардину, которая вместе с большой белой надписью на стекле наполовину скрывала, что творится внутри. Лицо, выглянувшее наружу, показалось бы ему простодушной физиономией домового. Оно принадлежало человеку с безобидной фамилией Браун, бывшему священнику из Кобхоула в Эссексе, ныне служившему в Лондоне. Его друг, частный сыщик Фламбо, сидел напротив и вносил в записную книжку последние заметки по делу, недавно раскрытому в окрестности. Они сидели за столиком у окна, когда священник решил отодвинуть штору и выглянуть наружу. Он подождал, пока незнакомец на улице не прошел мимо, и опустил штору. Взгляд его круглых глаз остановился на крупных белых буквах, нанесенных на стекле над его головой, потом рассеянно скользнул по соседним столикам, где можно было увидеть лишь землекопа с кружкой пива и сыром и рыжеволосую девушку со стаканом молока. Заметив, что его друг убрал записную книжку, Браун тихо сказал:

– Если у вас есть десять минут, мне хотелось бы, чтобы вы проследили за тем человеком с фальшивым носом.

Фламбо удивленно посмотрел на него, но во взгляде рыжеволосой девушки мелькнуло нечто большее, чем удивление. Она носила простое, даже мешковатое бежевое платье, но, несомненно, была аристократкой и даже, если присмотреться, довольно надменной особой.

– Человек с фальшивым носом? – повторил Фламбо. – Кто он такой?

– Понятия не имею, – ответил отец Браун. – Но хочу, чтобы вы разузнали, и прошу оказать мне эту услугу. Он пошел туда, – священник ткнул большим пальцем через плечо одним из своих неприметных жестов, – и вряд ли успел пройти дальше третьего фонаря. Мне нужно лишь знать, в какую сторону он направляется.

Фламбо, на лице которого озадаченность боролась с любопытством, несколько мгновений смотрел на своего друга. Потом, поднявшись из-за стола, он протиснул свою мощную фигуру в маленькую дверь миниатюрной таверны и растворился в сумерках.

Отец Браун достал из кармана книжицу и принялся невозмутимо читать ее, словно не замечая того, что рыжеволосая девушка покинула свой столик и уселась напротив него. Наконец она подалась вперед и тихо, напряженно спросила:

– Почему вы это сказали? Откуда вы знаете, что нос фальшивый?

Священник поднял тяжелые веки, дрогнувшие, словно от замешательства, и с сомнением посмотрел на белую надпись на стеклянном фасаде таверны. Девушка проследила за его взглядом и озадаченно нахмурилась.

– Нет, – сказал отец Браун, как будто отвечая на ее мысль. – Здесь написано не «овип», как мне самому недавно почудилось, а «пиво».

– Ну и что? – поинтересовалась девушка. – Какая разница, что там написано?

Блуждающий взгляд священника остановился на легком холщовом рукаве ее платья, расшитого по краю простым, но изящным узором, который отличал его от обычной грубой одежды и делал больше похожим на рабочий наряд начинающей художницы. По-видимому, он нашел в этом пищу для размышлений, но его ответ был очень медленным и неуверенным.

– Видите ли, мадам, снаружи это место выглядит вполне прилично, – сказал он, – но дамы вроде вас обычно... обычно думают иначе. Они никогда не заходят в подобные заведения по своей воле, кроме разве что...

– Что? – нетерпеливо спросила она.

– Кроме немногих несчастных, которые заходят не для того, чтобы выпить молока.

– Вы очень необычный человек, – промолвила молодая женщина. – К чему вы клоните?

– Не стоит беспокоиться, – мягко ответил священник. – Я хочу лишь вооружиться знаниями, чтобы помочь вам, если вы захотите обратиться ко мне за помощью.

– Но почему мне может понадобиться помощь?

Отец Браун продолжил свой полусонный монолог.

– Вы зашли сюда не для того, чтобы повидаться со своей протеже или с бедными друзьями, иначе сразу же прошли бы в другие комнаты... И не потому, что вам стало нехорошо, иначе вы обратились бы к хозяйке заведения, вполне почтенной женщине... кроме того, вы совсем не выглядите больной, только подавленной... Эта улица – единственная в своем роде старая длинная аллея, и дома по обе стороны заперты... Я могу лишь предположить, что вы увидели позади кого-то, с кем не хотели встречаться, и скромная таверна оказалась вашим единственным убежищем в этой каменной пустыне... Надеюсь, я не вышел за рамки приличия, когда позволил себе взглянуть на человека, который прошел мимо сразу же после вашего появления... Он показался мне недостойным, а вы внушаете доверие... Я был готов прийти на помощь, если бы он стал досаждать вам, вот и все. Что касается моего друга, он скоро вернется и определенно не сумеет ничего выяснить, бродя по такой улице... Впрочем, я и не надеялся на это.

– Тогда зачем вы отослали его? – воскликнула девушка, подавшись вперед с еще большим любопытством. У нее было гордое, подвижное лицо со здоровым румянцем и римским носом, как у Марии-Антуанетты.

Священник впервые пристально посмотрел на нее.

– Я надеялся, что вы обратитесь ко мне, – ответил он.

В ее взгляде на мгновение промелькнула сумрачная тень гнева, но потом, несмотря на тревогу, уголки ее губ изогнулись в улыбке.

– Если вы так хотите поговорить со мной, то, наверное, ответите на мой вопрос, – почти сурово сказала она и добавила после небольшой паузы: – Позвольте спросить еще раз: почему вы думаете, что этот человек носит фальшивый нос?

– Воск всегда немного размягчается в такую погоду, – простодушно ответил отец Браун.

– Но это же просто *кривой* нос, – возразила девушка.

Священник в свою очередь улыбнулся ей.

– Я не говорю, что такой нос станут заводить только из щегольства, – сказал он. – Думаю, он носит фальшивый нос как раз потому, что настоящий гораздо красивее.

– Но почему? – настаивала она.

– Помните детский стишок? – рассеянно спросил Браун. – «Человек был кривоногий и пошел кривой дорогой»... Похоже, этот человек пошел по очень кривой дорожке, следуя за своим носом.

– Да, но почему он это сделал? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Не хочу принуждать вас к откровенности, – спокойно отозвался отец Браун, – но думаю, вы можете гораздо больше рассказать мне о нем, чем я могу рассказать вам.

Девушка вскочила и нервно стиснула руки, словно собираясь уйти, но потом медленно опустила их и снова уселась напротив священника.

– Вы таинственнее всех остальных загадок, – жалобно сказала она. – Но мне кажется, у вашей тайны есть сердце.

– Мы больше всего боимся лабиринта, где нет центра, – тихо ответил священник. – Именно поэтому атеизм – всего лишь ночной кошмар.

– Я все вам расскажу, – устало сказала рыжеволосая девушка. – Не скажу только, зачем я это делаю, потому что сама не знаю.

Она подергала краешек заштопанной скатерти и продолжала:

– Кажется, вы можете разобраться, где снобизм, а где нет, и если я скажу, что принадлежу к старинному роду, вы поймете, что это необходимая часть истории. Главная опасность таится в замшелых высоких принципах моего брата – *noblesse oblige*¹ и все прочее в таком роде. Вообще-то меня зовут Кристабел Карстерс; возможно, вы слышали о моем отце, полковнике Карстерсе, который собрал знаменитую коллекцию римских монет. Я не смогу описать вам своего отца, достаточно будет сказать, что он сам был очень похож на римскую монету. Он был такой же красивый, настоящий и ценный, такой же металлический и устаревший. Он больше гордился своей коллекцией, чем фамильным гербом, и этим все сказано. Но эксцентричный характер отца сильнее всего проявился в его завещании. У него было два сына и одна дочь. Он поссорился с одним из сыновей, моим братом Джайлсом и отправил его в Австралию, положив небольшое содержание. Потом он составил завещание, по которому его коллекция доставалась в наследство моему брату Артуру вместе с еще более мизерным содержанием. Для отца это была высшая честь, какую он мог оказать, – награда за верность Артура, его высокие нравственные качества и за успехи в математике и экономике, которых он уже добился в Кембридже. Отец оставил мне практически все свое значительное состояние, и я уверена, что он сделал это в знак презрения ко мне.

¹ Положение обязывает (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.